

Возвращение классового неравенства и включение «других»

В то же время у университетов, равно как и у правого популизма, есть обратная сторона. Университеты на протяжении долгого исторического периода были закрыты для целых групп населения на основании половых, этнических и классовых различий. С точки зрения популистов, университеты представляют собой часть истеблишмента, изнеженных элит. И такое представление нельзя считать полностью неверным.

Несмотря на повышение доступности высшего образования для детей представителей рабочего класса, в мире по-прежнему слишком много университетов, которые обслуживают преимущественно национальную и международную элиту. Более того, во времена стагнации внутреннего рынка потенциальных покупателей (в случае с высшим образованием речь идет о традиционных студентах) университеты, как и бизнес-корпорации, обратились к мировому рынку, непропорционально насыщенному богатыми международными студентами. Обучающиеся за границей студенты, не важно, учатся ли они по программе «Эразмус» в Европе или на общих основаниях, существенно чаще оказываются представителями экономически благополучных и хорошо образованных групп населения, чем остальные студенты.

Таким образом, если смотреть с классовой точки зрения, кто же выигрывает от интернационализации? Вузы, которые привлекают преимущественно обеспеченных иностранных студентов, слишком часто игнорируют местных, не столь обеспеченных студентов. В большинстве элитных университетов уровень культурного многообразия возрос бы, если бы они открыли двери малоимущим абитуриентам разного этнического и национального происхождения, живущим в тех городах, где расположены эти вузы, в то время как сейчас эти университеты добиваются повышения многообразия за счет привлечения относительно обеспеченных иностранных студентов или в случае с США — студентов из других штатов.

Университет Кембриджа недавно выпустил доклад, в котором говорится об отрицательных последствиях брекзита как для самого Кембриджа, так и для британского высшего образования в целом. Я сомневаюсь в том, что обычная рабочая семья откуда-нибудь из промышленного района центральной Англии, то есть люди, на протяжении десятилетий страдавшие от экономической нестабильности и снижения объемов производства, стала бы сочувствовать Кембриджу или другим ведущим университетам. Не стали бы им сочувствовать и 15-20% населения Кембриджа, живущих за чертой бедности. И их можно понять. Оказалось, что так называемая «новая экономика» не слишком отличается от старой, судя по тому, кто занимается тяжелым трудом, а кто по-прежнему пожирает его лучшие плоды.

Во всем мире растет классовое неравенство между трудящимися и держателями капитала, что ведет к искажению социал-демократического общественного договора и общественных институтов. Лидеры и преподаватели университетов определенно должны удвоить прилагаемые усилия и найти новые пути эффективного противостояния ксенофобии, расизму, мизогинии и гомофобии, то есть тому, что во многом является определяющим для правопопулизма. Мы также должны усвоить урок, который преподнес нам рост популизма, и заняться сокращением классового расслоения, царящего и в академическом сообществе, и в обществе в целом и делящего мир на относительно богатое меньшинство и слишком крупное бедное большинство. Мы должны понять, как полноценно реализовать нашу ответственность в области демократизации обществ, в которых мы живем. Демократизация означает поиск нового равновесия между глобальным и локальным и расширение возможностей, доступных социальной группе «других» (как на национальном, так и на международном уровне) — людям, которые по-прежнему зачастую остаются невидимыми и которые оказываются преданы образовательному забвению в результате сложившихся в академической среде представлений, принципов и практик.

DOI: <http://dx.doi.org/10.6017/ihe.2017.89.9756>

Трамп и грядущая революция интернационализации высшего образования

Филип Альтбах, Ханс де Вит

Филип Альтбах — профессор, основатель Центра по изучению международного высшего образования при Бостонском колледже, США.

Ханс де Вит — директор центра. E-mail: altbach@bc.edu; dewitj@bc.edu.

В последние месяцы мы стали свидетелями радикальных перемен в подходах к интернационализации высшего образования, которая стремительно развивалась на протяжении полувека. Последним «цунами» можно считать ограничение на въезд в США граждан семи стран с преимущественно мусульманским населением — мера, которая привела к полному хаосу. Брекзит, приход к власти в Польше и Венгрии националистов, сосредоточенных исключительно на собственных интересах, рост правого популизма

в Европе — все это можно назвать условиями «нового мирового порядка» в области интернационализации высшего образования. Некоторые наблюдатели полагают, что эти тенденции сохранятся, однако мы не можем с ними согласиться. Мы не утверждаем, что мобильность сойдет на нет, или что академическое сообщество откажется от идеи интернационализации, или уж тем более что интернационализация как «рынок» потеряет свою привлекательность для действующих коммерсантов. Но мы считаем, что мы стоим на пороге эры фундаментальных перемен.

Нужно не забывать о том, что интернационализация высшего образования — это набор идей и стратегий. Эти идеи включают в себя признание положительных аспектов глобализации и понимание того, что глобализация навсегда вошла в мировую экономику; стремление к мировому согласию; уважение разнообразных культур; открытость общества, которое приветствует развитие сотрудничества между различными политическими, культурными и экономическими партнерами. Интернационализацию нередко называют элементом «мягкой силы», которой обладает то или иное государство. В последние годы практическая составляющая интернационализации превратилась в большой бизнес: университеты, частные компании, поставщики образовательных услуг, страховые компании, рекрутинговые агентства и т.д. тратят на программы интернационализации и зарабатывают на них многие миллиарды долларов, евро и других валют. Иностранцы принесли в экономику США более 32,8 млрд долларов. А в университетах Великобритании средства иностранных студентов составляют примерно одну восьмую дохода. Эти же студенты ежегодно приносят стране около 7 млрд фунтов стерлингов помимо платы за обучение.

И хотя в последние годы наиболее идеалистические аспекты интернационализации в погоне за прибылью подверглись влиянию коммерциализации, фундаментальные цели остаются прежними. В целом академическое сообщество по-прежнему предано этим ценностям. Но практическая сторона дела, по-видимому, в корне изменится, и это повлечет за собой серьезные последствия для международных студентов и ученых, которые хотят работать за границей или сотрудничать с зарубежными коллегами, а также для вузов и правительств, которые привыкли к доходу, который они получают благодаря развитию всех аспектов мобильности. А будущее более чем 200 филиалов иностранных вузов, главным образом европейских и американских, многие из которых расположены в мусульманских странах, может оказаться под угрозой.

Внешние реалии

Мировые политические реалии меняются ежечасно, что наглядно продемонстрировали иммиграционные ограничения, вводимые администрацией Трампа. Вероятно, следует ожидать «усиленных проверок»

всех въезжающих в страну. Британское правительство изменило юридическое определение иностранных студентов и приравняло их к иммигрантам, что тоже ведет к нестабильности. Политические и мировоззренческие изменения в восприятии роли студенческой и академической мобильности ожидаются и в других европейских странах. Сейчас, когда ключевая европейская программа мобильности «Эразмус» празднует свое 35-летие, ее будущее, равно как и будущее других программ по развитию научного сотрудничества и образовательного потенциала, под угрозой в связи с резким сокращением бюджета в результате роста антиевропейских настроений среди представителей и сторонников правых партий. Нынешняя западная тенденция к «закрытию границ» или по крайней мере к введению дополнительных ограничений может усугубиться. Пока непонятно, захотят ли страны, затронутые дискриминационной политикой Запада, отплатить тем же и приведет ли это к своего рода «торговым войнам» за интернационализацию высшего образования.

В то же время будет много примеров того, как американские и европейские университеты, преподаватели и студенты будут противостоять перечисленным выше тенденциям и помогать продвижению международной солидарности, сотрудничества и обменов.

Но есть и контрпримеры. Канада ясно дала понять, что ее границы останутся открытыми и что она расширит программы поддержки международной мобильности, причем у иностранных выпускников канадских вузов останется возможность получить канадское гражданство. Другие страны, такие как Китай и Индия, могут начать работать над повышением привлекательности своих вузов для зарубежных студентов и ученых. В Азии, Латинской Америке и Африке есть тенденция к усилению международной мобильности как внутри этих регионов, так и между ними, и она будет усиливаться.

Риторика и политика Дональда Трампа, Терезы Мэй и других лидеров даже не требуют полной реализации. Проявления враждебности и дискриминации, агрессивное отношение к путешественникам в пунктах пересечения государственных границ, трудности с получением виз и другие проблемы, реальные или кажущиеся, будут влиять на то, что люди думают о мобильности и интернационализации. Джинн вылез из бутылки, и засунуть его обратно будет непросто.

До нынешнего момента интернационализация воспринималась как западная концепция, которая отвечает главным образом интересам развитых стран. Но теперь, когда Запад закрывает свои границы, вероятно новая революция в сфере интернационализации высшего образования, и происходит она будет в развивающихся странах и странах с переходной экономикой.

Вероятные последствия

Точно предсказать последствия описанных выше тенденций невозможно, однако представляется вероятным, что:

- паттерны студенческой мобильности заметно изменятся, что повлияет на уже сокращающийся объем рынка международных образовательных услуг в США и Великобритании;
- в мире ухудшится восприятие США, Великобритании и других европейских стран, которые следуют их примеру и движутся в сторону ксенофобии и нетерпимости; это приведет к ухудшению позиций университетов этих стран в международных рейтингах, снижению научного сотрудничества и падению других показателей образовательного престижа;
- больше всего пострадают государственные вузы США и Великобритании, бюджетное финансирование которых продолжит снижаться, так же как и число иностранных студентов, оплачивающих свое обучение;
- небольшие университеты и колледжи, которые уже столкнулись с проблемами демографического характера и чье выживание нередко зависит от притока международных студентов, рискуют закрыться;
- международные филиалы американских и британских вузов, а также другие формы трансграничного образования, предложенные этими странами, замедлят развитие, а на их место придут университеты других стран, включая Индию и Китай; страны Ближнего Востока и других регионов, в которых расположены филиалы западных вузов, будут их меньше поддерживать;
- стипендиальные программы вроде американского «Фулбрайта» или европейского «Эразмуса» ожидают существенные бюджетные сокращения, которые приведут к снижению студенческой и научной мобильности;

- интернационализацию, которую уже считают атрибутом в первую очередь элитарных вузов, смогут себе позволить лишь наиболее престижные университеты.

В то же время будет много примеров того, как американские и европейские университеты, преподаватели и студенты будут противостоять перечисленным выше тенденциям и помогать продвижению международной солидарности, сотрудничества и обменов. Глобальное гражданство — концепция, которую Трамп и Мэй отрицают, — станет ключевым фактором в борьбе вузов за автономность и академическую свободу. Реакция руководителей, сотрудников и студентов американских университетов и колледжей на введенные администрацией Трампа ограничительные меры явно показывает, что они являются противниками такой политики. Такая реакция вызвана не тем, что они боятся потерять прибыль, а тем, что они испытывают преданность фундаментальным принципам высшего образования.

DOI: <http://dx.doi.org/10.6017/ihe.2017.89.9758>

Академическая мобильность в эпоху Трампа и брекзита

Людвика Лейсите, Анна-Лена Розе

Людвика Лейсите — профессор наук о высшем образовании, Анна-Лена Розе — научно-учебный ассистент и аспирант, Центр высшего образования Технического университета Дортмунда, Германия. E-mail: liudvika.leisyte@tu-dortmund.de; anna-lena.rose@tu-dortmund.de.

Академическая мобильность и привлекательность национальных систем высшего образования все чаще ассоциируются с академическим превосходством, динамичностью, включенностью в международные сети, научными достижениями, развитием трансфера знаний и технологий и в конечном итоге с улучшением социально-экономического благосостояния населения. Успешность вузов, измеряемая по результатам обучения и научной деятельности, а также умению получать крупные научные гранты, в огромной степени зависит от профессорско-преподавательского состава. В условиях роста международной академической конкуренции возможность привлечь талантливых профессоров во всем мире становится ключевым элементом успеха и для университетов, и для экономических систем. Тем не менее текущие политические процессы, характеризующиеся ростом